

ДЕНИС БОБКИН

БЛЕСНА

ВСЕ РЕКИ ВРЕМЕНИ ВПАДАЮТ
В ОКЕАН

Денис Бобкин

Блесна

«Издательские решения»

Бобкин Д.

Блесна / Д. Бобкин — «Издательские решения»,

Фантастические события, которые невозможно вообразить, всегда начинаются буднично. На месте главного героя повести «Блесна» вполне мог бы оказаться любой читатель. Но смог бы он пережить выпавшие на долю героя испытания?

© Бобкин Д.

© Издательские решения

Содержание

Блесна	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Блесна
Все реки времени впадают в океан
Денис Бобкин

© Денис Бобкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Блесна

От станции вглубь леса вела асфальтированная дорожка, вдоль которой через каждые двадцать-тридцать метров стояли ржавые фонари с разбитыми плафонами. Глядя на них, я почему-то вспомнил притчу о том, как ученик приставал к мастеру дзен с бесконечными вопросами. И в конце концов мастер сказал ему: «Твой путь к Истине не может быть освещен кем-то другим. Ты хочешь взять взаймы мой фонарь. Я же хочу научить тебя, как сделать свой собственный».

Пока я безуспешно пытался вспомнить, где я прочитал эту притчу и кто ее автор, дорожка слилась с бетонированным шоссе, которое метров через сорок уперлось в зеленые металлические ворота, украшенные якорями и звездами. С якорями все было нормально, но вот приваренные к металлическим листам звезды почему-то оказались синего цвета. На проходной я предъявил направление в часть и новенькое офицерское удостоверение небритому, с недобрым взглядом мичману. Его засаленная форменная куртка внезапно вызвала у меня сомнения. Пока мичман вполголоса переговаривался с кем-то по телефону, в голове пронесся целый вихрь мыслей. Я и раньше почти не сомневался, что начальник курса – малодушная сволочь и это его распределение на суперсекретный объект, на который не смогли прорваться даже генеральские сынки, окажется чем-то жутко обыденным и отвратительным. Тем более трудно было поверить, что есть еще в нашей военно-бюрократической системе такие объекты, на которые нельзя прорваться ни за деньги, ни по блату. Но отступить было поздно.

– Добро пожаловать на 32-ю базу тыла ВМФ, товарищ лейтенант, – прохрипел мичман, складывая мои документы в большой бумажный желтый пакет. Взамен он выдал мне похожий на театральный номерок с цифрой восемь и сказал, что вестовой проводит меня до штаба.

До штаба несколько сотен метров мы шли вдоль желтой линии, нарисованной на огромном плацу, и пересекли ее прямо перед самым зданием.

Штаб напоминал жилой корпус пионерского лагеря – зеленое, сколоченное из досок строение барачного типа. Доведя меня до дерматиновой двери без таблички, вестовой, ни слова не говоря, вяло поплелся назад. Я постучал и, не дожидаясь ответа, потянул тяжелую дверь на себя. Дальше все вышло как-то автоматически. Сделав несколько строевых шагов, я подошел к замершему посреди комнаты (похоже, он знал, что я войду именно в этот момент) человеку в черной морской форме и доложил: «Товарищ капитан второго ранга, представляюсь по случаю прибытия к новому месту службы, лейтенант Жеребов».

«– Поздравляю с прибытием, Сергей», – сказал капитан второго ранга, приглашая жестом сесть. – И еще, давай сразу договоримся: зови меня просто – Марат Аидович, а при начальстве можно товарищ старший помощник.

Сидя в кожаном кресле, я осознал, насколько внутренняя отделка помещения отличается от внешнего вида штаба. Кабинет старшего помощника походил на каюту капитана Немо. Стены и потолок отделаны деревом, по левой стороне вместо окон – декоративные иллюминаторы-аквариумы, в каждом из которых плавали экзотические тропические рыбы. О связи с вооруженными силами напоминали лишь три фотографии в рамках на стене. На первой, которая висела прямо над столом Марата Аидовича, был изображен молодой человек в солдатской форме времен Великой Отечественной войны с одинокой медалью на груди. На двух других, справа и слева от солдата, красовались Путин и Медведев в форме подводников. Вероятно, снимки сделаны во время предвыборных пиар-компаний этих меняющих друг друга главнокомандующих.

Марат Аидович достал бутылку рома и два стакана.

– Ну, рассказывай Сергей, что они тебе говорили про нашу часть в твоем космическом институте, – сказал он, заполнив до краев граненые стаканы.

– Говорили, что секретная часть рядом с Москвой, работа практически по моей специальности. Платят специальные надбавки. Но мне кажется, они про вашу часть и сами толком ничего не знают.

– Так и есть, – сказал Марат Аидович и выпил сразу полстакана рома, что никак не увязывалось с его интеллигентной внешностью.

– Послушай, что я тебе скажу, Сергей, – продолжил Марат Аидович. У каждого человека есть право выбора, и принуждать служить у нас тебя никто не будет. Но скажу прямо, ты нам подходишь. Мы за тобой давно наблюдаем и основную проверку ты прошел еще на пятом курсе, когда подрабатывал в том пидорском баре официантом.

Я понял, что эти люди в морской форме знают обо мне если не все, то очень многое. Внимательные глаза сидящего напротив меня старпома как бы подтверждали мое неприятное открытие.

– Теперь по условиям, – неожиданно повеселев, сказал Марат Аидович. – Телеметрией космического пространства в прямом смысле на этой должности заниматься тебе не придется. Мы предлагаем тебе оклад в 20 раз больше средней лейтенантской зарплаты с перечислением средств в надежный швейцарский банк, а также бонус после окончания контракта. Если с ним грамотно поступить, должно хватить на долгие годы.

Видимо, я побледнел, потому что Марат Аидович, резко встав, панибратски хлопнул меня по плечу и прошептал в самое ухо:

– Да ты не волнуйся, никакой опасности для твоей жизни не будет, да и убивать никого не придется. Служба у нас хоть и специфическая, но интересная. Так что считай, что тебе крупно повезло.

– А можно поконкретнее узнать, что делать надо будет? – спросил я, немного придя в себя и отпив рома.

– Все детали только после подписания контракта, – ответил Марат Аидович. А вот, кстати, и наш главный штурман – Сергей Сергеевич, он и расскажет.

Обернувшись, я заметил, что прямо за моей спиной стоит молодой капитан-лейтенант.

Комната Сергея Сергеевича тоже напоминала каюту, но была гораздо меньше, чем у Марата Аидовича. Сразу было видно, что он тут не только работает, но и живет.

– У тебя только два варианта выбора, – сказал Сергей Сергеевич, – глядя поверх очков. У него был очень холодный взгляд, в сочетании с ранней сединой на висках это предавало ему слегка демонический вид.

– Если отказываешься – даешь подписку о неразглашении и едешь на Новую Землю любить Родину, если соглашаешься – даешь подписку о неразглашении и добро пожаловать на борт! – сказал Сергей Сергеевич и неприятно засмеялся.

– Согласен, – неожиданно для себя ответил я. – Что подписывать-то надо?

– С этим не торопись, время до утра у тебя есть, – сказал Сергей Сергеевич. – Даже если согласен, ответ дашь только утром – такая традиция.

Спустя две минуты морской пехотинец проводил меня в небольшую комнату в подвале, которая напоминала привокзальное кафе. На ужин мне дали макароны по-флотски, салат из морской капусты и чуть теплый чай. Пока я ел, морпех за соседним столом молча разгадывал кроссворд из «Красной звезды». После ужина он проводил меня по подвальному коридору в небольшой кубрик, в котором стояло шесть двухъярусных солдатских кроватей, несколько тумбочек и телевизор. Морпех показал мне, что соседняя дверь ведет в душ с туалетом, продемонстрировал, как включается свет и где лежит пульт от телевизора. После этого он попросил меня никуда не отлучаться до утра и пожелал спокойной ночи.

Оставшись один, я понял, что очень устал, и повалился на ближайшую кровать. Полежав немного, ради интереса открыл соседнюю тумбочку. Помимо обмылка в ней нашелся потрепанный томик Шопенгауэра «Мир как воля и представление». В книге лежала закладка, сде-

ланная из фантика от конфеты «Арктика». В середине страницы несколько строк были подчеркнуты карандашом. Перед тем как провалиться в сон я прочитал: «...*Поэтому мы со своим интеллектом как орудием воли везде наталкиваемся на неразрешимые проблемы в стенах собственной темницы. Кроме того, можно допустить, по крайней мере гипотетически, что на эти вопросы невозможен ответ ни для какого познания вообще, то есть никогда и нигде; что эти отношения непостижимы не только условно, но и абсолютно; что их не только никто не знает, но они сами по себе непознаваемы и вообще не входят в формы познания*».

Меня разбудила песня. Бодрый мужской голос с надрывом пел: «Прощайте, красотки, прощай, небосвод. Подводная лодка уходит под лед». Так как окон в комнате не было, я не сразу понял, где нахожусь и что уже наступило утро. Также меня насторожило, что я не мог вспомнить, как я раздевался вчера. Вроде бы заснул прямо с книгой в руках.

Свет в комнате зажегся, и вчерашний морпех поздравил меня с добрым утром.

– Вот, примерьте, должно подойти, – сказал он, зацепив за спинку соседней кровати вешалку с черной морской формой.

Я обнаружил, что моя старая форма пропала, а все, что было в карманах – расческа, носовой платок, бумажник, использованный билет на электричку и номерок с цифрой восемь, – аккуратно лежало на тумбочке. Новая форма и ботинки оказались как раз моего размера. Как только я умылся, мой знакомый морпех зашел опять и пригласил меня завтракать.

Выйдя на улицу, я сощурился от летнего утреннего солнца. Завтрак был накрыт в беседке, где расположились Марат Аидович, Сергей Сергеевич и неизвестный мне капитан третьего ранга с очень красным лицом.

– Познакомься, Сергей, – сказал Марат Аидович, здороваясь. – Это Иван Иванович. Ты, наверное, слышал, что на западных подводных лодках есть капелланы, а на наших – политработники. Иван Иванович совмещает обе эти должности в нашей команде.

Иван Иванович – красномордый капитан третьего ранга – сказал, что перед подписанием особых условий контракта он должен прочитать мне краткую лекцию о современной обстановке.

– Сегодня подавляющей части нашего народа приходится каждый день созерцать картину внутреннего гниения общества, сказал он. – С одной стороны, люди стали жить лучше, чем, скажем, десять лет назад, но с другой – сегодня над Россией довлеет обстановка вечного страха и неуверенности за собственную жизнь. Наш народ не только подсознательно боится рецидивов прошлого, но и с опаской смотрит в будущее. Оно все больше представляется нашему коллективному разуму в виде окончательной бездны. Не обошлось тут, конечно, и без происков врагов, которые умело пытаются выбить ментальную почву из-под фундамента российской государственности.

– Один поэт выразил это следующими словами, – подключился к лекции Сергей Сергеевич. – «Под нашими ногами клочок земли стремительно тает под напором мочи».

– Как-то так, – задумчиво подтвердил Иван Иванович и продолжил: – Ты, наверное, слышал, Серега, что был такой ученый Карл Густав Юнг. Однажды он случайно заметил, что многим пациентам психиатрических клиник снятся одинаковые сны. На основе этого наблюдения было открыто коллективное бессознательное. Так вот, именно в глубины этого подсознательного и погружаются военнослужащие нашей части, которую, кстати, мы зовем подлодкой. И поверь, это не только метафора.

После подписания контракта Марат Аидович пожал мне руку и вручил офицерский кортик, попросив вытащить его из ножен. На лезвии были выгравированы латинские буквы.

– Что дозволено Юпитеру, не позволено быку, – пояснил их значение Иван Иванович. – Ты у нас теперь вроде как в команде Юпитера.

Лето выдалось аномально жарким, и заняться мне было практически нечем. По словам Сергея Сергеевича, первое погружение должно было состояться не раньше конца августа.

Целыми днями я валялся в своей офицерской каюте, смотрел телевизор или блуждал по бескрайним просторам Рунета. Дни тянулись чудовищно медленно. Вскоре Марат Аидович уехал в отпуск, а Сергей Сергеевич практически все свое время проводил на втором подземном уровне нашей части, в который у меня пока не имелось допуска. Единственный человек, с которым я общался каждый день, был наш замполит Иван Иванович.

Обычно он заходил за мной около пяти вечера, и мы ходили гулять вдоль забора части. Каждый раз он начинал разговор с обсуждения событий в стране и мире. По его просьбе я смотрел ежедневные новости и делился с ним своим мнением обо всех ключевых событиях. Сам Иван Иванович держался в разговоре предельно просто и никогда не скупился на красное словцо. «Педераст мебельный или «говноед из ранних питерских» были его любимыми выражениями в адрес высокого начальства из Министерства обороны, которое иногда мелькало в новостях.

За обсуждением политобстановки мы успевали дойти до ларька у проходной, где брали по бутылке теплого пива, которое пили, сидя на трубе у пожарного водоема. Иван Иванович часто рассказывал мне смешные случаи из своей флотской службы. Половина этих историй строилась вокруг его любимого слова «отпетрушить».

Как-то раз, когда Иван Иванович был в особенно приподнятом настроении, я осторожно попытался расспросить его поподробнее о предстоящем погружении.

Глядя в темные воды пруда, он сказал мне, что работа коллективной психики российского народа напоминает принцип двух сообщающихся сосудов. Психическая энергия в одном сосуде создает отрицательный потенциал, в другом – симметричный. Один из этих сосудов можно назвать обыденным уровнем мышления, а другой – бессознательным. После того как люди сосредоточивают интерес на конкретных вещах, их коллективный абстрактный разум истощается, а мы, россияне (это слово он всегда произносил с издевкой), испытываем эмоциональный голод. Активность высших слоев психики сменяется активностью бессознательного.

– Секретов у меня от тебя нет, Серега, – сказал он. – Твоей задачей будет погружение в самые древние, архаичные слои психики. Ты будешь нашими глазами и ушами в самом сердце русской национальной души.

Я поинтересовался, как именно я буду туда попадать.

– Об этом не беспокойся, – сказал он, – у нас есть спецтехника, позволяющая ввергать человека в состояние глубокого осознанного сновидения. Никаких психотропных средств мы не применяем, поэтому опасности для твоего физического здоровья нет.

– А для чего все это нужно? – спросил я.

– Мы подошли с тобой к самому главному вопросу, – ответил замполит, погрузнев, – грубо говоря, твоя работа нужна, чтобы котел под названием «русская национальная душа» не взорвался. Когда мы получаем сигнал, что в сосуде бессознательного возникает излишнее давление, путем специальных мер в телеэфире создается разряжение в сосуде обыденного сознания и избыточная энергия перетекает туда. Но тебе я советую об этом не думать. Думай лучше о том, что с бонусом делать будешь через пять лет. За миллион долларов можно практически любую мечту воплотить в жизнь. Другим офицерам – твоим ровесникам такие возможности даже и не снились.

– Да, но вы ведь говорили, что сосуды сообщающиеся, зачем тогда?..

– Так-то оно так, но уже скоро будет лет двадцать, как на соединяющий сосуд в Кремле краник поставили. Так что теперь судьба России будет в твоих руках. Я говорю это в прямом, а не в переносном смысле слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.